

ИСПОВЕДЬ БИБЛИОТЕКАРЯ

Т. Аркадьина

О библиотечной профессии все всё знают. «Тихая, спокойная, блатная работа: сиди, почитывай книжки» - мнение большинства. Про закулисную часть нашей работы не знает никто. И хотя из библиотекарей вышло много писателей – никто из них не раскрыл профессию. Сами библиотекари – народ скромный, тихий, - тоже помалкивают. Им пожизненно внушали, что наша профессия одна из легких. И, следовательно, нужно мириться, принимать как должное маленькую зарплату (знаний требуется много, а платят не по знаниям), неустроенность быта, плохое финансирование библиотек. И даже отсутствие требуемых книг в фонде принимают как свою вину. На этой «легкой» работе библиотекари зарабатывают себе пупочную грыжу (дипломированные грузчики), получают инсульт (в библиотеку читатель несет весь свой негатив, неурядицы, трудности и т.д.). Негатив сбрасывается на библиотекаря, а он не имеет права даже защищаться. А уж такие болезни, как бронхит (пыль очень ядовита), язва желудка, слепота и другие внутренние болезни, получаемые в других профессиях, считаются заработанными не в профессии библиотекаря. Кто же об этом задумывается?

О библиотечной работе не пишутся книги. Цель данного сборника рассказов - приоткрыть завесу над библиотечной профессией, ответить на вопрос: почему библиотекари не изменяют своей профессии, несмотря на негативное отношение к ней со стороны.

Весь материал в сборнике подлинный, не вымышленный. Все это действительно пережито автором.

Благодарю коллектив редакции газеты «Красное знамя», ООО «Глазовская типография», Л.Ф. Смелкова за оказанную спонсорскую помощь в издании сборника.

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись Т. Аркадьиной «Исповедь библиотекаря»

Знакомясь с публикациями Т. Аркадьиной в «Красном знамени» и «Калине Красной», я и не предполагала, что это литературный псевдоним моей бывшей выпускницы библиотечного техникума Т.А. Поздеевой. Поэтому особо отраднo было знакомиться с рукописью очерков и рассказов этого, теперь уже знакомого мне автора. Отраднo и радостно, что любовь к книге, профессии библиотекаря, а главное, творческий потенциал проявились у моей выпускницы не только во время учебы и дальнейшей профессиональной деятельности (работе библиотекаря она отдала более 25 лет), но и в описании фактов, эпизодов, случаев этой важной и нужной работы, описанной в рецензируемом сборнике, посвященном Ларисе Васильевне Гожьяновой. Трудно определить жанровую природу рецензируемого материала - это и студенческие воспоминания («Культпоход в тюрьму»), особо близкие и автору, и, безусловно, рецензенту, и жизненные зарисовки («Библиотечное крепостное право», «Эпохи не выбирают»). Это и рассказ в виде жанра сегодняшних ужастиков («Библиотечная жуть»), и пейзажные и бытовые зарисовки («Люди в черном»).

Во всех материалах явно чувствуется рост размышлений автора о времени, о роли книги в жизни автора и ее героев («Они осмелились читать «Архипелаг Гулаг», «Догнать Полину Виардо», «Друзья мои - книги»). Несмотря на некоторую наивность, а иногда и резкость в оценках, взгляд на эпоху иной раз дается через призму сегодняшнего дня. Несмотря на это, во всем остальном чувствуется влюбленность автора в книгу, в профессию библиотекаря, несущего духовность в жизнь сегодняшнего поколения.

Хочется отметить особую «населенность» материалов, в которых автор с благодарностью вспоминает реально живших Клавдию Филипповну Коньшеву, Ольгу Сергеевну Поздееву, сыгравших в судьбе большую роль, а главное это близкие рецензенту И.Э. Ротман и ее дочь Вика, а также В. Филиппова, А. Лесников – бывшие студенты автора рецензии. Спасибо Т. Аркадьиной за это.

В заключение следует отметить автобиографичность, цепкость в наблюдении и зоркость взгляда, а также и большую географию материалов: многочисленные районы Удмуртии, Пермский край, Казахстан.

Ждем публикации новых материалов.

Сборник «Исповедь библиотекаря» вполне может быть рекомендован к изданию.

Рецензент - доцент ГГПИ им. В.Г. Короленко,
кандидат философских наук С.Я. Пашкова.

Культпоход в тюрьму

Много в моей жизни было впечатлений – и приятных, и тягостных, но этого я никогда не забуду.

1960-й год, конец мая. Ижевск в бело-розовых облаках цветущих яблонь, вишен, черемух. У нас, учащихся библиотечного техникума, началась сессия. Первый предмет – зарубежная литература. Все мы ее любили и за оценки не волновались. Пришли на экзамен веселые, в отличном настроении. Несколько девушек вызвали почему-то в учительскую. «Все вы участницы художественной самодеятельности. Вам надо выступить в одном месте, прямо сейчас, экспромтом. Экзамен сдадите потом».

До «одного места» добираться пришлось недолго. Рядом с техникумом на горе стояла мужская колония строгого режима. Мимо нее мы проходили ежедневно, не особенно задумываясь о смысле соседства. Но одно дело – видеть будки и автоматчиков снаружи, с воли, и другое – оказаться там, за забором.

Нас строго-престрого проинструктировали, как вести себя: не передавать и не брать никаких записок, вещей, ни с кем не разговаривать и никого не слушать. По узкому коридору, пересчитав, завели в пустую комнату. «Это уборная, переодевайтесь!» Но у нас с собой костюмов не было. Не нашлось даже зеркальца – сумочки приказали оставить в техникуме. Ведущая концерта на ходу, на подоконнике, с наших слов записала программу. «Начинаем!»

Зал полон, яблоку некуда упасть. Два первых ряда пусты, следующие два ряда заняла охрана в форме. А дальше – сплошная серая масса в непонятной одежде, бритые головы и сверлящие нас глаза.

Не помню, каким получился наш концерт, хорошим или плохим, хлопали нам или нет. В памяти остались лишь эти глаза – много пар одинаковых глаз, буквально впивающихся в нас.

После концерта нам предложили занять места в передних рядах. Теперь на сцене перед нами выступали заключенные. Уж я на своем веку повидала талантов – и наших, и зарубежных, и профессионалов, и любителей, но этих артистов буду помнить до конца своих дней. Они пожирали нас взглядами. А как вдохновенно играли, пели. Мы, семнадцатилетние девушки, даже забыли, что находимся в тюрьме.

Окончилось все внезапно. Скрипач играл на скрипке чудесную мелодию «Ой, Светлана, светлячок, манит взоры твой полет» - и вдруг разрыдался истерически. Занавес опустился. Нас снова провели в уборную, а оттуда – к выходу. На сей раз идти пришлось мимо заключенных. Запомнился мужчина благородной внешности, наголо обритый, но не в робе, а в добротном коричневом костюме и голубой рубашке.

Вывели за ворота – а мы идти не можем, скучковались, как овцы, всех переполняют эмоции. Тысяча вопросов в голове: «За что сидят? Разве могут быть они плохими все? А сколько талантов, и каких!» А у кого спросишь ответ? На эти темы тогда никто не говорил, нигде не писали. Считалось непреложной истиной: сидит за решеткой – значит, плохой человек, не наш. А разве может плохой человек истерически расплакаться, глядя на юных девушек? Может, мы напомнили ему дочек, которых он не увидит еще много лет... А благородное, умное лицо человека в дорогом костюме? Кто он? За что попал сюда? За дело ли? Был, наверное, счастлив, удачлив, доволен жизнью...

В тот день мы повзрослели сразу на несколько лет. Между прочим, одна из нас – красавица Тоня Финчурина – записочку все-таки получила. От того самого, в дорогом костюме. В любви он ей признавался.

Сорок лет прошло. Но когда я слышу фразу «От тюрьмы и от сумы не зарекайся», сразу вспоминаю поход в тюрьму. Воспоминание не из легких.

Все мы - дети военной поры

Год 1961-й. Окончен Ижевский библиотечный техникум. Закончилась полуголодная, раздетая, разутая студенческая жизнь на частных квартирах. Глазов в те времена будоражил воображение сытой, богатой продуктами и вещами жизнью. Все выпускники, уроженцы Глазова и Глазовского района, распределились в районный отдел культуры (городской отдел культуры в те времена был на общественных началах). Кроме нас, в город приехали две уроженки Кировской области, две Лиды – Симонова и Милкова. Позже обе стали Поздеевыми. На работу устроились кто куда. Валя Филиппова и Толя Михайлов – в районную библиотеку, Лида Симонова – в библиотеку им. Короленко. Саша Лесников, Тамара Поздеева, Аля, ставшая позже Кельдышевой, и Лида Милкова – в сельские библиотеки. Все стали сеять разумное, доброе, вечное. Дружная семерка энергично принялась за работу.

А трудностей хватало. То председателю сельсовета не угодил, то председателю колхоза не то сказал, не так посмотрел. В деревне бытовало мнение – на что они годны, городские? Блатная, мол, библиотечная работа: сиди, почитывай книжки да выдавай. Через полтора года начались сокращения. Н.С. Хрущев издал указ: в сельсоветах, где два культработника, оставить одного, чтобы и книги выдавал днем, и в клубе по вечерам пел, плясал, людей развлекал. По этой причине Саша Лесников запряг лошадь, мы загрузили в сани книги и поехали по Красногорскому тракту к передвижникам. Саша менял книги, методист Тамара Поздеева обучала книгонош, как пропагандировать книги. Заночевали в татарской семье у книгоноши. На другой день ехали обратно в Глазов. Лошадь испугалась проходящего поезда, вздыбилась и понеслась прямо под колеса. Одной левой рукой (правая после болезни с детских лет висит плетью) Саша осадил и удержал лошадиную силу. Его пассажирка онемела, казалось, глаза выскочат из орбит. Две-три минуты – и от всех могло остаться лишь мокрое место. Вот тебе и блатная работа! А Саша с улыбкой, очень спокойно, без бахвальства сказал: «Женюсь обязательно зимой, повезу невесту на санях в свадебное путешествие». Какие более нужные к месту слова можно было сказать двадцатилетней девушке, чтобы снять стресс?

Все семеро выпускников оказались серьезными людьми, и вскоре нам стало не хватать знаний. Первым поступил в вуз наш поэт Саша Лесников. Сашины стихи регулярно печатались в «Ленинском пути». Мечтал Саша издать поэтический сборник. Увы, запала не хватило. Саша поступал в Глазовский педагогический институт. Экзамены сдал на «отлично». Ему порекомендовали учиться в университете Перми. После его окончания Саша распределился в Понинский интернат, где работал педагогом. В Понино проработала педагогом Аля Кельдышева. Глазовский пединститут закончил Толя Михайлов. Он работал начальником райсобеса в Юкаменском. Валя Филиппова много лет была инструктором райкома комсомола, закончила Ленинградский институт культуры, затем работала в Глазовском пединституте.

Двумя годами раньше и я отучилась в Ленинградском институте культуры. Два с половиной года работала в Перми в областной библиотеке им. А.М. Горького. Затем уехала в Казахстан, где работала в отделе культуры города Целинограда, а затем инженером-информатором на металлургическом заводе. Глазовский педагогический институт закончили обе Лиды. Ижевский техникум оказался стартовой площадкой в мир знаний для всех семерых выпускников. Помню двухэтажное старое деревянное здание, скученность в классах, сидели по трое за одним столом, задыхались от нехватки воздуха, голодали (в

техникуме не было ни столовой, ни буфета. В городских столовых Ижевска молочный суп съедали за один час, после полудня в меню оставался лишь борщ на воде). Стипендию делили на двоих. Но в памяти остался яркий мир книг и мир знаний, который распахнули перед нами наши педагоги. А были они все очень молодые, лишь после войны окончившие Московский, Ленинградский институты культуры (в те времена в СССР было только два таких института культуры). И не просто нам было продолжать образование, но очень хотелось походить на своих учителей. Одна из них позже переехала в Глазов. Софья Яковлевна Ершова преподает в Глазовском педагогическом институте. Все мы дети военных лет. Нас, ровесников, было мало во времена нашей молодости. Еще меньше дожили до пенсии. Половина из нас – инвалиды детства, но все мы сильные, упорные, настойчивые. Об этом свидетельствует прожитая нами жизнь.

Про Шуру Чупину я совершенно забыла. В Глазов нас приехало восемь человек. Шура работала заведующей библиотекой и клубом в Удмуртских Ключах. Она погибла совсем молодой. В Глазове на почте по улице Ленина получила пенсию своей матери, и два подонка стали отбирать у нее деньги. Шура была девушкой крупной, сильной, вступила с ними в борьбу. Бандитский нож оборвал молодую жизнь.

Люди в черном Один день в глухом углу – в деревне староверов

Как мы пели, как отплясывали

Было это в семидесятых годах прошлого века. Районный дом культуры славился тогда своей агитбригадой. Как посевная или уборочная – бригада разъезжает по колхозам. И я, библиотекарь, с артистами ездила, проверяла состояние сельских библиотек.

Где только мы не бывали! В Глазовском районе, в Ярском, в Юкаменском, даже в Кировской области.

Два баяниста с нами, два пенсионера-виртуоза. Сергей Прокопович руку на фронте покалечил, но как мастерски играл! А Михаил Сидорович еще и рисовал, и пел, и танцевал, и ведущим выступал.

Тут же - молодежь с предприятий города. Особенно много талантов было на мясокомбинате. Певушки замечательные – и на русском языке пели, и на удмуртском, на татарском, на цыганском.

Приезда нашего везде ждали с нетерпением, хотя знали – лодырей, пьяниц мы можем как следует пропесочить. Михаил Сидорович разрисовывал их в «Молниях», которые вывешивались на самом видном месте. Вся деревня сбегалась посмотреть.

Клуб был всегда полнехонек. Публика рукоплескала от души. Уж и время, бывало, выйдет, а нам все кричат: «Бис! Бис!»

Харчеваться определяли к какой-нибудь домовитой женщине, у нее и мясо на столе, и шаньги, и мед.

Ночевали обычно в клубе, прямо на полу.

Концерт в гробовой тишине

И вдруг новость: мы едем к староверам.

Забыла, к сожалению, название этой деревушки где-то на краю Кировской области, в глуши, в лесах. Дорога – две еле видные колеи среди коряг и буреломов.

Таких странных деревень я ни до, ни после не видела. Дома выстроились полукругом, добротные, из векового леса - бревна в три обхвата. Хлева, амбары – все за высоченными заборами. И магазин тоже добротный, мощный. И клуб такой же.

А у околицы притулился домишко-развалюха. Тут нас и вы-грузили.

В домишке жил молодой агроном, недавно приехавший. Как он собирался работать с местными людьми? Не было у них ни правления, ни колхоза, не было никакой власти.

Жену агронома поставили заведовать клубом. Годовалая дочка хозяев ползала по половицам – в доме не имелось ничего, кроме лавок да стола. Старшая дочка, лет десяти, робко поздоровалась с нами.

- Ума не приложу, что делать, - сокрушалась агрономша. – Школы нет, сама учить ее буду как смогу.

Посокрушавшись, она принялась нас инструктировать: по деревне не ходить, держаться поближе к дому. И избави Бог чего-нибудь просить у местных! Пить подадут в собачьей миске.

Обед она варила нам сама: супчик из воды с картошкой и капустными листьями.

Более длинного и унылого дня не было в моей жизни. В других-то местах мы и рыбачили, и купались, и на лодках катались, и в лес за ягодами ходили. Я успевала и в соседние деревни сбегать, в библиотеки заглянуть.

А тут... Какие «Молнии»? Какие библиотеки? Тут и слова такого, наверное, отродясь не слыхали.

Вечером агрономша повела нас в клуб. Стены голые – ни плакатика, ни клочка газеты. Не клуб, а молельный дом, из которого по случаю нашего приезда вынесли утварь и божественные книги.

Ждем, ждем – никого. Решили начинать при пустом зале. Таков артистический закон: раз объявлен концерт – значит должен состояться.

Начали. И тут же клуб вмиг оказался набитым до отказа. Мужчины, женщины, старики, старухи, но ни одного ребенка!

Все в черном, долгополом, в черных платках и шапках. Все суровые, неприступные, не улыбочивые. За весь вечер - ни одной улыбки!

Мы стараемся, пляшем, поем – в ответ тишина. Жуткое ощущение. Мы ведь уже знали реакцию зрителя на каждый номер: вот в этом месте народ смеется, в этом разряжается аплодисментами, в этом начинает подавать реплики, завязывается диалог между сценой и залом. А тут – каменные черные фигуры, гробовое молчание. Каково было нашим девчатам с цыганскими зажигательными песнями? Концерт закончился молча. Черная толпа вмиг испарилась, как будто ее и не было. И больше мы ни одной души не видели.

После концерта обычно начинались танцы под баян, смех, всеобщее веселье. На сей раз не было ничего, кроме чувства тягостного отчуждения.

Мне в моей жизни приходилось выступать перед разными аудиториями. Даже перед убийцами и насильниками страшного НЫРОБЛАГа. И везде музыка, слово сплывали людей, рождали минуты – или пусть даже секунды – духовного единения. А тут – полный вакуум.

Не знаю, надолго ли задержались агроном с агрономшей в старовойдерской деревне. Думаю, что нет. Мы уезжали оттуда как узники, выпущенные из темницы на волю.

Деревня та, я думаю, и по сей день стоит как стояла. И люди в черном живут за своими непробиваемыми заборами, как жили сорок, сто, четыреста лет назад. Кому они нужны? Нефти вокруг них нет, газа нет, дороги тянуть замучаешься...

Проще построить Сколково или новый космодром Плесецк, чем переделать одну такую деревню.

Со своим уставом

Хочу, чтобы меня поняли правильно. Старовер староверу рознь. Староверы и Глазове есть, и вокруг Глазова. Особенно много их в Юкаменском районе. Они держатся своих правил, следуют своим обычаям, но при этом далеки от фанатизма. Работают, общаются с соседями, могут быть хорошими товарищами. Детей взперти не держат, стараются выучить. И дай им Бог здоровья и благополучия.

Но старовер-фанатик... Это нечто такое, что выше моего понимания. На дочери ярой (упертой, как говорят нынче) староверки женился мой младший брат. И ничего хорошего из этого брака не вышло, а вышла одна огромная беда. Не стану вдаваться в подробности, но

брат погиб в тридцать пять лет. На похоронах сваха подала мне тарелку супа с пучком волос. Не случайный волосок, а целый клочок! И что это должно было означать?

А вот пример сегодняшних дней. Сын сослуживца женился на девушке-староверке из тайги. И потянула она его в леса, в общину. Парень закончил в Томске радиотехническую академию - а его в лес, в первобытный строй! Счастье, что вовремя одумался, убрался оттуда. До сих пор в себя прийти не может.

В свое время история семейства Лыковых облетела всю страну. Талантливый журналист В. Песков сделал из нее сенсацию, а сенсации никакой нет. Таких таежных тупиков по матушке-Сибири много разбросано. Есть они и в Пермском крае, и в той же Кировской области.

И не надо ломиться туда со своим уставом, со своими журналами, электрочайниками и мобильными телефонами, со своими представлениями о хорошем и плохом. Хотят люди жить сами по себе, без постороннего глаза – пусть живут. Мы для них - чужие.

Библиотечная жуть

Случилось это во времена Хрущева. Много начудил Никита Сергеевич, будучи главой государства, в том числе провел и укрупнение районов, мол, соединим три маленьких района в один большой – расходы на содержание аппарата ого как сократятся! Не знаю, сократились ли, - никто из аппаратчиков, по-моему, не пошел работать к станку или на ферму, все остались при теплых местечках, а вот разброда и неразберихи было много.

В состав Глазовского района вошли после укрупнения Яр, Юкаменск и даже часть Кировской области. Я, двадцатилетняя девчонка, работала тогда методистом Глазовской районной библиотеки. И вот командируют меня в ярскую глушь для знакомства с библиотечным делом в тамошних местах. Начало марта, дорог никаких, транспорта нет – добираться как знаешь. Вооружилась я самодельной картой (на тетрадном листке кружочки с названием деревень, указанием ориентиров) и пустилась в путь.

Знающие люди в Яру подсказали: крутись возле поселкового магазина (он там один был), часа в четыре дня с элеватора пойдет трактор; мужики (они зерно сдавать привозили) обязательно останутся водки купить, к ним и попросишься. Действительно, подошел трактор с санями, мужчины забежали в магазин. С беззубым старичком, который был за главного, я договорилась, устроилась на пустых мешках. Поехали. Мороз под двадцать, а на мне синтетическая китайская шубейка – я мигом промерзла до костей. Трактор ползет еле-еле. Мужчины достают из-за пазух бутылки, попивают, покрякивают, рукавом закусывают, щеки у них разгорелись, им весело, а я уже ни ног, ни рук не чувую. Беззубый старичок пожалел меня, завалил мешками, но от мешков какое тепло?

Поздним вечером приехали мы в деревню. Старичок вызвал молодуху, приказал ей уложить меня на печке, завалить одеялами, напоить горячим молоком. Наутро я проснулась свеженькая, здоровенькая, проверила библиотеку, оформила справку и пошла пешком дальше. Так и шла весь день – от деревни к деревне, от библиотеки к библиотеке. Под вечер оказалась в Бачумове. Быстренько управилась с делами и решила, что успею добраться до разъезда – всего-то два километра – на разъезде, сказали мне, останавливается рабочий поезд, на нем можно добраться до Яра. А там садись на любой проходящий – и через полчаса дома.

До разъезда я не дошла. Дорогу мне преградили два молодца на лыжах и в полушубках. Назвались милиционерами, потребовали предъявить документы. Свои тоже показали, но как-то издалека. Я в очках, не разгляжу, что там написано, а спросить неловко. Молодцы рассказали, что с поезда сбежали за-ключенные, и поэтому всех подозрительных проверяют.

- И вас, девушка, проверить надо. Давайте-ка с нами на разъезд, оттуда по спецтелефону позвоните своему руководству.

- Да я как раз туда и спешу.

В домике на разъезде оглушительно воняло самогоном. Самогонные лужи стояли на столе, даже на полу. Какие-то неменяемые личности сидели вокруг огромной захватанной бутылки, некоторые храпели, свалившись со стульев. «Милиционеры» набрали номер библиотеки в Глазове, передали мне трубку.

- Где ты? Что с тобой? – кричала перепуганная заведующая (до сих пор поражаюсь ее интуиции – ведь с полужазы сообразила, что дело неладно).

- На железной дороге. Меня тут арестовали...

На слове «арестовали» связь прервалась – «милиционер» нажал на рычаг. Только тут я поняла: попалась! А меня уже силой тащили за стол, совали в руки граненый стакан с мутной жидкостью.

В голове колотилась одна мысль: если сделаю хоть один глоток – все, уже не отверчусь. Изобразила смущение, помялась: в туалет бы, говорю, надо. Меня вывели на крыльцо, махнули рукой:

- Там!

Пригибаясь, как партизан, по пояс в снегу, я выползла через рельсы, через посадки – и назад, в Бачумово. Только ветер в ушах засвистел. Возле околицы оглянулась – двое на лыжах преследовали меня. Куда деваться? А тут магазин, дверь распахнута настежь. Народ входит, выходит. Я прыг – и притаилась за дверью. Видела, как вошли лыжники, как вышли ни с чем. Долго так стояла. Уже начало смеркаться, только тогда я осмелилась выбраться на улицу. Снова ползла огородами, густым лесом, лишь бы подальше от людских глаз, волков я не так страшилась, как людей.

Вдруг что такое? Скрип полозьев, голоса. Обоз с сеном. Мужчины сидят на возах, тут же несколько женщин.

- Миленькие, можно с вами?

Глянули они на меня, растрепанную, вываленную в снегу, ничего не спросили, только кивнули:

- Давай.

Я вылезла на дорогу, ухватилась за веревку, которой было увязано сено. Бреду, чувствую себя, как в ловушке – сугробы по обочинам в мой рост. Пытаюсь припомнить свою самодельную карту: где-то тут должна быть старая мельница. Рядом заброшенная деревня, потом крутая гора. И действительно, из темноты скоро выступил мельничный сруб, чуть дальше смутно зачернели какие-то постройки. А затем произошло нечто такое, а чем я до сих пор не могу вспомнить без содрогания. Со стороны построек, из заброшенной деревни, неожиданно донесся негромкий, но отчетливый детский плач – и тут же, будто с неба, пронзительный свист. Сердце мое ухнуло в пятки, я повернулась на этот свист, увидела всю в серебристом лунном свете гору (не соврала карта), мчавшегося с нее лыжника – и потеряла сознание.

Очнулась – обоз стоит, женщины хлопают меня по щекам. Дрожащим голосом принялась расспрашивать:

- Вы видели лыжника на горе? Слышали, ребенок плакал? Мне ведь не показалось?

- Плакал, плакал, - успокаивали меня женщины. Мужчины почему-то молчали. Старший возница взялся за вожжи:

- Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем. Ехать надо, уже поздно.

Не помню, как добралась до Яра, как я оказалась в гостинице. Я лежала на кровати, возле меня крутилась администраторша, потом позвонили из милиции.

- Сколько их было? Место описать можете? Мы сейчас туда отправляемся – хотите с нами?

- Нет уж, спасибо!

Утром начальник милиции навестил меня. Ничего они на разъезде не нашли, никаких лыжников, никаких следов. Я ждала упреков – мол, переполошила всех девчонка, шутников-лесорубов за разбойников приняла... Но начальник глядел серьезно и мрачно.

Что это было такое, кто это был – не знаю до сих пор. Одно понимаю ясно: какая-то сила уберегла меня в тот страшный вечер, и в эту силу я верю.

Догнать Полину Виардо

Детство у Кати было военным, а значит - трудным. Ни поесть, ни одеться. К тому же отец – немец. К тому же слепой. Катя с ним ездила на поездах, отец играл на гармошке, она собирала подаяние. Кругом серость, неприглядность, беднота.

Катя рано научилась читать. А в книжках писатели рисовали такой яркий, такой красивый мир. Катя влюблялась в героинь и героев, «носила» их наряды, жила их поступками, чувствами, каждую книжку – целый мир, недоступный и желанный, - пропускала через сердце.

Постепенно выработался литературный вкус. Читала уже не все подряд, а серьезные исторические и биографические книги. Страшно хотелось подражать знаменитым людям, походить на них, быть такой же умной, неотразимой.

Но жизнь влачилась серенькая и пустая. Вышла замуж, родила трех дочерей. Перебивались из «кулька в рожжку». К тому же младшенькая девочка появилась на свет калекой, без ручки. Каждые два года надо было возить ее на протезирование – все деньги на это уходили. Но книги в те годы, слава Богу, стоили копейки, и с ними Катя не расставалась. Библиотеку она собрала, можно сказать, изысканную – сливки из сливок. Собирала по крупицам, из года в год, и опять же не все подряд, а лишь про знаменитейших знаменитостей. Сокровища свои показывала только знатокам-книголюбам, способным достойно их оценить. На этой почве и с мужем рассталась – ничего тот в литературе не понимал и понимать не хотел, Катино увлечение считал блажью.

Все стены у Кати были забиты книгами. Книги стояли на самодельных полках из грубых досок, никаких других богатств она не знала! У нее с дочерьми не было даже сменного белья, вечером постирает, утром утюгом трусики и комбинации досушивают. Вечно в долгах...

И все бы ничего, но была у Кати еще одна страсть, которая ее и сгубила. Прочитанное в книгах она непременно стремилась воплотить в жизнь. Мадам Помпадур, императрица Жозефина, Полина Виардо – всех их Кате надо было догнать и перегнать. А надо сказать, что по натуре она удалась весьма любвеобильной особой. Не разгульной, а именно не мыслящей себя без любви. Ей уже полвека стукнуло – и не было за эти полвека дня, чтобы она не пылала страстью к какому-нибудь мужчине. Мужчина этот был обязательно молодым, обязательно холостым и, конечно же, книголюбом. Саму же Катю природа-злодейка красотой не наградила: росточек небольшой, но плечи и бедра борцовские, руки-ноги огромные, шея короткая и мощная, а голова – что котел. Никому в голову не приходило, что у этой прозаической тетки могут быть какие-то дела с молодыми красавцами, к тому же знатоками литературы. А Катя между тем жила с ними вторую жизнь – настоящую жизнь, в которой все выстраивала по-книжному. К свиданиям готовилась загодя. С чисто немецкой пунктуальностью обдумывала каждую мелочь: только при уютном неярком свете, только с коньячком, только с хорошей закуской. И обязательно с подарком для поклонника - какой-нибудь редкой книгой. И как же бедняжка страдала, когда книгу гость принимал, коньяк выпивал, но свидание после этого затягивать не спешил.

Собрав приличную библиотеку, поклонник Катю бросал. Тут же она находила другого книголюба. Одна рана зарубцовывалась, рядом появлялась следующая. Любвеобильное Катино сердце остановилось рано. Цветущая здоровая женщина раздарила его по кусочкам, и, право, не такой уж смешной и глупой кажется мне эта щедрость.

(каким оно было в советские годы)

Кому нужен бедный студент сегодня? Никому не нужен. В советские времена существовало распределение. Выпускника пединститута, например, могли направить учителем, допустим, на Сахалин. При этом трудоустройство гарантировалось, дорога оплачивалась. На новом месте молодому специалисту сразу должны были дать жилье... С жильем вопрос в основном не решался никак. Зато выпускник был обязан отработать на одном месте три года. По сути дела на три года он становился крепостным.

Пенсионерки без крыши

Если все было так замечательно, то почему многие мои сокурсницы заработали инсульты? Почему многие, сегодня уже пенсионерки, – до сих пор не имеют крыши над головой?

Моя подруга, коллега-глазочка, умерла от инсульта три года назад, так и не дождавшись квартиры. Она окончила очное отделение техникума, потом очное отделение института – то есть имела дважды законное право на получение жилья.

Ни калачей, ни пряников

Я закончила Ленинградский институт культуры. Существовал еще институт культуры в Москве. И только-только появился в Улан-Удэ. Считай, два с половиной вуза на всю огромную страну.

Мы, выпускники этих вузов, были, что называется, штучным товаром. Разве могли состязаться с нами девчухи из культпросветучилищ?

Казалось бы, только свистни – работодатели сбегутся, калачами и пряниками заманивать станут, самую интересную, самую творческую работу предлагать.

Как бы не так!

Нигде нас не ждали, нигде нашему появлению не радовались. Ну, приехала ты со столичным дипломом, и что? Мы тут и без тебя неплохо справлялись.

И руководили нами те самые культпросветовские девочки. Это еще в лучшем случае. А то и вообще случайные люди, какой-нибудь проворовавшийся директор банного комбината, брошенный в порядке наказания «на культуру».

Дом у вокзала

Нам, трем подругам, дали направление в Ульяновск. Невиданная честь! В год столетия Ленина – в город Ленина. Сразу во Дворец книги – так называлась областная библиотека. В первую же ночь мы ночевали в доме под снос возле вокзала. Дом был абсолютно пуст, если не считать тараканьих стай, марширующих туда-сюда. Зато под окнами всю ночь шла оживленная возня – то ли алкоголики пировали, то ли вокзальные вору выручку делили.

Едва дождавшись утра, Оксана схватила чемодан:

- Ни минуты больше здесь не останусь!

И пошло. Нам снимали то комнату в трущобе, то загаженную избу. Месяц мы ночевали в кабинете директора библиотеки. Водные процедуры принимали в подвале. Днем нашими чемоданами любовались многочисленные посетители директора – например, итальянский писатель-сказочник Джанни Родари, в тот юбилейный ленинский год почетные гости валом валили – и свои, и заграничные.

И послали нас мусор убирать

Во Дворце книги не было (я думаю, и сейчас нет) ни одного специалиста нашего уровня. И чем, вы думаете, мы занимались? Убирали мусор на строительстве мемориального комплекса!

О квартирах – а нам по условиям направления полагались квартиры – и речь уже не шла. Хотя бы комнату в общежитии – одну на троих! Чистую. С батареей, с теплым

(позабывтая роскошь) туалетом в конце коридора. Такую комнату директор библиотеки одним шевелением пальца могла бы устроить. Не устроила. И это был не просто недосмотр с ее стороны. Или нежелание – что я еще могла бы понять. Это был стиль работы, который всех устраивал.

Послали меня с каким-то заданием в сельскую библиотеку. Приезжаю. Библиотека на замке. Библиотекарша у себя во дворе развешивает рыбный улов. Тут же стоят ведра с яблоками – их предстоит нарезать для просушки.

Словом, поняла я, что ждать в Ульяновске нечего. И перераспределилась в Пермь. Мне подмахнули бумаги не глядя: да езжай, ради Бога!

А в Перми у меня еще со времен практики остались кое-какие связи.

Прямо по курсу – бульдозер

Библиотека им. Горького в Перми – размером с терминал Шереметьевского аэропорта. Богатейшие фонды. Финансирование более чем щедрое.

А жилья для меня нет. Две девушки, тоже ленинградские выпускницы, снимали угол в бараке за Камой.

Идти в барак я категорически отказалась. В итоге нас троих поселили в каморку сторожа с видом на библиотечный хоздвор. По одну руку – гараж, по другую – столярка. А прямо по курсу – горы земли и рычащие бульдозеры. Там готовили площадку под строительство.

Снова тараканы, снова сомнительные личности шастают под окнами, стучат по ночам. Однажды библиотечный комендант пытался их шугануть – так его порезали.

Семеро пьют чай

Определили меня в методический отдел. Нас там было восемь человек. И вот семеро пьют целыми днями чай, примеривают тряпки, обсуждают Иванова-Петрова-Сидорова. А я, восьмая, мотаюсь по командировкам. Мороз на улице, дождь стеной – я еду в тайгу, в какой-нибудь Кудымкар или Чердынь. Поздравляю местных поэтов с изданием сборника, читаю лекции экам.

Коллеги могут отказаться. У них есть главное – квартиры, у меня квартиры нет, и я должна ее зарабатывать.

Сейчас, по прошествии лет, я с нежностью вспоминаю эти поездки по глухим уголкам Пермского края. Я увидела там Россию еще допетровскую, Россию времен Ивана Грозного. Увидела, услышала, узнала. Но возвращаться ночью из ледяного вагона по ледяной улице в ледяную каморку, где страшно воеет калорифер – этого врагу не пожелаю.

Партия велела: изыскать

Я могла бы устроиться корреспондентом в газету – мои статьи охотно печатали. Могла бы пойти на радио – вела там обзоры литературных новинок. Готовила вечера для дома офицеров, и меня туда настойчиво звали, предлагали хорошую должность. С квартирой. Но увы, три года рабства еще не истекли.

Продолжать чахнуть в сторожке? Ну уж нет!

И я перерас-пределилась снова! Министерство культуры СССР отправило меня в Целино-град заведовать городской культурой. Ну, не совсем заведовать – я была всего лишь заместителем заведующего отделом. Служебное жилье – мазанку – мне дали сразу. Вхожу – мама! Стены и потолок облеплены черными жирными слепыми мокрушками размером с большой палец. До чего же противные твари! Включишь свет – они дружно шлеп на пол и расползаются по щелям.

За стеной – снова гараж. Каждое утро приходил шофер, откапывал мою и гаражную двери из-под снега.

На улице - всего два обитаемых дома, в которых доживали свой век старики. Ломись кто хочешь, режь, грабь...

Я не вытерпела и года, подала заявление об уходе. Но тут, на мое счастье, случилось одно событие, совсем незначительное: заведующий отделом уехал в отпуск, и меня попросили месяц повременить с уходом – заменить его. Вот за этот месяц я и успела отхватить квартиру.

Спасибо человеку, который подсказал, как это сделать. Научил, как попасть к секретарю обкома КПСС по идеологии, научил, что сказать.

И обком дал горкому указание – «изыскать». Изыскали. Вот так получали свое гарантированное жилье молодые специалисты в советское время. Получали, если были напористы, умели постоять за себя.

Пермские мои подруги напористыми не были – и что теперь имеют? Одна прозябает в приватизированной комнате бывшей общаги на первом этаже. Другая до сих пор расплачивается за кооператив, уж двадцать лет как на пенсии, а все, бедная, расплачивается.

Про Сидорова с женой

Из отдела культуры (уже оквартиренная) я ушла заведовать библиотекой литейного завода. Могу рассказать, как обстояли дела там.

Думаете, молодых инженеров встречали с распростертыми объятиями? Ошибаетесь.

Завод настроил огромное количество общежитий. Приезжает какой-нибудь Сидоров с дипломом и беременной женой. Его засовывают в общежитскую комнату. И в этой комнате Сидоров, жена плюс младенец ютятся. Ютятся пять лет, десять. Уж и младенец женихом стал – а они все ютятся.

А ведь Ивановы, Петровы, Сидоровы – это металлурги, энергетики, механики. На них все производство держится, но на заводе своя иерархия ценностей, перекошенная.

А рука-то тепленькая

Вот начальник по технике безопасности, например, квартиру всегда получал с ходу. Они, эти начальники, почему-то менялись постоянно. Старый ушел, новый пришел, месяц-другой помелькал – бац, ему квартира.

Всю технику безопасности вместо очередного пришельца тянула заместительница-женщина. Тянула вот уже пятнадцать лет. Как получила койку в общежитии после института, так дальше койки и не ушла.

Однажды рассказала мне:

- Подходит рабочий, руку показывает: вот ведь, тепленькая и шевелится!

А я эту руку, гильотиной отрезанную, сама в пакет складывала, сама парня в самолет посадила, в Караганде ему и пришили...

И другая женщина, бабенка безграмотная, склочная, никчемная. Приехала из деревни – ей сразу теплая должность: заведующая канцелярией. Начальница, фу ты, ну ты. Двое у нее в подчинении, машинистка и делопроизводитель, а в качестве бонуса – трехкомнатная квартира на блюдечке. За какие заслуги? Да ни за какие. Кому-то там родней приходится.

Так что не надо думать, будто где-то когда-то бедного студента ждали золотые горы. Везде и всюду всегда дорогу себе пробивал он сам.

Тем не менее, учиться нужно, хотя бы для того, чтобы осознать: никто не вправе вытирать о тебя ноги.

Они осмелились читать «Архипелаг ГУЛАГ»

Как сейчас помню: сижу у раскрытого окна, в руках «Роман-газета». Читаю Солженицына – «Один день Ивана Денисовича».

Я только что перешла в пятый класс. Разумеется, такую книгу мне в библиотеке не дали бы, по возрасту мне полагалось читать «Старика Хоттабыча». Да и не уверена, что был в библиотеке Солженицын. Мне его дала (как давала много другого интересного) соседка

тетя Валя. Она окончила техникум в Электростали – возможно, оттуда ей и высылали «горячую» литературу.

Про «Ивана Денисовича» тетя Валя сказала: «Это прочти обязательно, сейчас все образованные люди говорят об этой книге, обсуждают ее».

Я проглотила короткую повесть залпом, не отрываясь.

После этого и до сегодняшнего дня мне не довелось подержать в руках ни одной изданной книги Солженицына. Долгие десятилетия он был под запретом, достать его было невозможно, разве что самиздатовские тексты. А когда запреты сняли – я ослепла. Теперь слушаю его на кассетах.

В Ленинградском институте культуры, где я училась, советскую литературу читал профессор Хватов. С нами, студентами, он держался на дружеской ноге, но о Солженицыне – ни полслова. Само это имя было под запретом. Начни профессор даже не то что хвалить, а просто обсуждать со своим учениками антисоветского автора – вылетел бы на улицу с волчьим билетом. И студентам бы не поздоровилось.

Скажите, преувеличиваю? Да ничуть. Несколько лет спустя мне довелось познакомиться с женщиной, чья судьба оказалась исковерканной именно из-за Солженицына. Звали ее Галина Ивановна.

Я работала тогда в Целинограде, в отделе культуры. Коллеги историю Галины Ивановны рассказывали шепотом, опасливо оглядываясь.

Эрудит, прекрасный знаток литературы, она директорствовала в областной библиотеке. Создала там нечто вроде клуба книголюбов. Собирались люди, читали Блока, Есенина. Дальше – больше: начали читать Мандельштама. Мандельштам хотя и не запрещался прямо, но отнюдь не поощрялся.

Ну, а потом «докатились» – начали читать Солженицына. И кто-то донес. Пострадала не только директор – пострадал весь цвет городской интеллигенции. В клуб приходили художники, журналисты, педагоги – досталось всем. Художникам запретили устраивать выставки, журналистов погнали из газет, педагогов – из школ и вузов.

Муж Галины Ивановны был как раз художником. После разгрома он пробавлялся случайными заказами: рисовал рекламу, оформлял сельские клубы. Словом, превратился в маляра.

Сама Галина Ивановна со своих высот загремела в заводскую библиотеку Целинсельмаша, заняла там должность заведующей.

Кому-то показалось, что и это ей будет жирно. Сумели придрататься к какой-то ерунде, выгнали. Умная женщина не пропала – устроилась в издательство, которое выпускало информационные технические бюллетени для заводов. Очень скоро стала там ведущим специалистом, сбросить ее оттуда уже не смогли – где другого такого работника возьмешь? Их на всю страну по пальцам пересчитать можно. Уволишь, а кто будет научно-технический прогресс двигать?

Директором областной библиотеки поставили казашку. Да не в том беда, что казашку, а в том, что безграмотную. Где-то она, конечно, чему-то училась, диплом имела. Но знала хорошо только одно – партийную дисциплину. Взять под козырек, отрапортовать... Какие уж там клубы книголюбов.

И еще одна интересная подробность.

В СССР каждая областная библиотека в обязательном порядке получала один экземпляр любой печатной продукции, выходящей в стране. Вышел где-нибудь в Чебоксарах сборник «Молодые голоса» на чувашском языке – библиотека его получает, вышел в Глазове номер «Красного знамени» – получает тоже, так вот, после скандала эти обязательные экземпляры перестали в Целиноград поступать. Я это знаю совершенно точно, поскольку была в то время заместителем заведующего городским отделом культуры. Словом, перекрыли кислород намертво. Чтобы ни одного нечаянного смелого слова не просочилось.

И еще могу совершенно точно утверждать: ни в одной библиотеке города ни единой книги Солженицына в то время не было. Уж поверьте, библиотечные фонды я изучила как свои пять пальцев.

Уже в послеперестроечные годы, уже в Глазове, уже будучи инвалидом по зрению, я записалась в библиотеку общества слепых, мне выдали допотопный катушечный магнитофон, лет двадцать пролежавший на складе. Перебираю катушки с записями - и, к своему немалому удивлению, нахожу чуть ли не всего Солженицына. Там был и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Раковый корпус». А ведь каких-нибудь пять-шесть лет назад людей за такие пленки в лагерь сажали.

Если Галина Ивановна с мужем-художником сегодня живы – низкий им поклон за мужество, за свет, за правду, которую они несли людям.

У целиноградских гебистов были особые причины для рвения. Рядом – Вишневатский район, там при Сталине сидели в лагерях кремлевские жены. И Солженицын сидел рядом, в Экибастузе. Здесь он узнал о том, что болен раком, здесь чудом выжил, здесь выносил замысел «Ракового корпуса» - да и многие другие замыслы.

Власти считали, и не без основания, что место, где отбывал каторгу писатель, может стать, как теперь говорят, культовым. Съедутся диссиденты, начнут устраивать акции протеста... Саму мысль об этом нужно было пресечь в корне. Вот и пресекали.

Друзья мои – книги

Мне довелось работать во многих библиотеках страны. И я скажу: «Нет более благодарного читателя, чем сельский школьник».

Едва я научилась складывать буквы

Июнь далекого 1958 года. Мы, десятиклассницы, прибежали в районную библиотеку с обходными листами. Никто еще не решил, кем быть. Пойти на завод, на стройку, начать зарабатывать деньги? Или поступать в институт?

Заведующая библиотекой Клавдия Филипповна Коньшева расхваливает свою специальность. Это так замечательно – быть всегда в мире умных людей, умных мыслей!

Девчонки отмахнулись, убежали. А я задумалась. Ведь первым интересным и умным человеком в моей жизни была именно библиотекарьша! Звали ее Ольга Сергеевна Поздеева. В библиотеке им. Короленко она заведовала детским абонементом. Мама привела меня к ней, едва я научилась складывать буквы.

И с того самого дня я из библиотеки не вылезала. Ольга Сергеевна руководила моим книжным образованием.

Почему шрифт мелкий?

Вы думаете, уткнулась девочка в книгу, ничего вокруг не видит? Нет. Я видела, подмечала многое. Вот, например, Вика Ротман приходит в библиотеку всегда со своей мамой. Между Викиной мамой и моей – пропасть. Моя показала мне сюда дорогу – и ладно, что я тут выберу, ее не интересует. Сама-то она закончила пять классов.

А Викина мама преподает в педагогическом институте, она знает – вот это чтение полезно, а это пользы не принесет.

Боже, как она придиралась к каждой книге, которую доставала с полки Ольга Сергеевна! То картинки грубые, пошлые. То краски неяркие, смазанные, то шрифт мелкий.

Только к содержанию книг она не придиралась никогда. Уж Ольга Сергеевна худого не предложила бы.

А вот тут делать нечего

Те послевоенные годы были тяжелыми, бедными, но дет-ская библиотека была настоящим кладом богатств. К третьему классу я знала, кто такой Робинзон Крузо. Знала, о чем писали Жюль Верн и Герберт Уэллс. Сказками я не увлекалась.

Потом пришла мне пора переводиться во взрослый абонемент. И вот тут я увидела образец плохой библиотеки.

Никто моим чтением не руководил, никто ничего не советовал. К полкам подходить было нельзя, а в свободном доступе лежали вечно одни и те же две книжки – «Деревянная деревня» Чешко, перевод с чешского, и «Глубынь-городок» Обуховой. Я прочитала эту макулатуру и поняла, что делать мне здесь нечего.

Сама нашла районную библиотеку с ее богатейшими фондами и прекрасными специалистами.

И вот заведующая предлагает выучиться на библиотекаря.

Деревня

Моя дорога в профессию началась в глухой деревушке. Боже, с каким убожеством я столкнулась! Ни взрослым, ни детям предложить было абсолютно нечего. Дети сельские тоже не слышали про Робинзона. Спрашивали: кто он такой? Я пересказывала им, главу за главой, содержание романа.

Начала формировать фонд. Появились кое-какие поступления. Но тут грянул указ Хрущева – и меня уволили.

Указ был в духе нынешней оптимизации: мол, на селе достаточно одного работника культуры. Он и библиотекарь, он и заведующий клубом. Он и сено косит, он и яйца, шерсть по дворам собирает в счет поставок. Мы судачили, злословили: «Чего уж хорошего ждать от правительства, если министром культуры поставили бывшую ткачиху Фурцеву!»

Позже я слышала, что Фурцева сделала много хорошего на своем посту, но все это хорошее касалось столиц – Москвы, Ленин-града. А вот деревню она просто ударила под дых.

Итак, меня с моим культпросветовским дипломом сократили. Место мое заняла малограмотная баба – жена бригадира. Обидно было за себя. Но еще обиднее – за детей. В деревне этой не было (и сейчас нет) школы. Была одна учительница – она у себя на дому учила малышей с первого класса по четвертый.

А дети тянулись к знаниям! И при всей убогости нашей библиотеки они из нее не вылезали. У меня к вечеру язык уставал – я все время кому-то что-то объясняла.

Устраивали мы концерты, утренники – и это всегда был настоящий праздник для ребятшек. И вот отдали все это бригадирше, которая Пушкина с Лермонтовым путает!

Случай с дядюшкой Пу

Хвастать не буду – я тоже не самым тонким знатоком литературы была. Вспоминается один курьезный случай. Какой-то минимальный набор классики в нашей библиотеке был, и я его рекомендовала всем – и взрослым, и детям. Без книги из библиотеки никто не выходил.

Как-то девочка-четвероклассница взяла томик с названием «Избранное». Автор – Пу Сун-Лин. Перевод с китайского. Ничего об этом Пу, как и о других китайских авторах, не знала. Но решила – народ древний, умный. К тому же целомудренный – от кого-то слышала, что китайцы даже не целуются. Словом, плохого не напишут.

А в воскресенье пришла в библиотеку старшая сестра этой девочки, моя ровесница. Она всегда приходила по выходным, потому что училась в городе. Вот приходит она и с порога:

- Что это ты такое моей Лиде дала? Почему она от меня книгу прячет?

Я только руками развожу:

- Понятия не имею, китайский писатель, жил давно.

Наконец, вернула Лида книгу, а сама краснеет, отворачивается. Я открываю этого Пу – о, ужас!

Пожилая женщина учит молоденькую, как совращать мужчин, что делать с ними в постели. И все это так подробно, живописно!

Ничего подобного я ни до, ни после не читала. Книгу спрятала подальше. Но не было дня, чтобы дети у меня ее не просили!

Вот где я развернулась

Перевели меня в районную библиотеку. И стала я ездить по селам Глазовского, Юкаменского, Ярского районов – инспектировать фонды.

Картина везде удручающая. Работники знают, какие книги нужны селянам, чем их можно заинтересовать, но нет у них права самостоятельно комплектовать фонды, что пришлют из Ижевска – то и берите. Никто не считал нужным просвещать село.

Переманили меня в воинскую часть. Вот где я развернулась! Любая моя заявка тут же выполнялась. Я и библиотеку части укомплектовала, и личные библиотеки офицеров.

С той поры комплектование фондов сделалось моим коньком, моей судьбой.

По имени-отчеству

По натуре я, наверное, перекасти-поле. Легка на подъем. Где только не работала! И в тайге, и в Казахстане.

Пригласили меня в Казахстане на литейный завод. И тут начала с нуля. Появилось у нас богатейшее собрание технической литературы. И потянулся в библиотеку весь город. А книги выдают только заводчанам! Так что придумал хитрый народ? Подговаривали своих заводских друзей, и те брали для них нужные учебники, справочники.

Преподаватели вузов и техникумов чуть не плакали: у студентов эти справочники есть, а они, профессора, только мечтать о них и могут.

В библиотеку шли все – от такелажника до директора. Рабочим нужно было повышать квалификацию, инженеры следили за новинками научно-технического прогресса.

Кстати, всего двух человек на заводе хоть в глаза, хоть заглазно звали по имени-отчеству – директора да меня.

Вера Мельник – тигрица

Помните времена книжного дефицита? В магазинах свободно только «Малая земля» лежала. И вот стали книголюбы прибиваться к нашему заводу.

А мы и рады. Организовали общество любителей книги. Открыли книжный магазин «Пламя». Стали проводить весенние праздники книг. Привозили их из всех магазинов города и продавали прямо на территории завода.

Помню одну такую ярмарку. Я стою за прилавком, напротив меня женщина-инженер, между прочим, вертит в руках книжку:

- «Всадник без головы». Не понимаю, как это без головы?

Народ хохочет, а она все никак не уймется:

- Нет, вы объясните: как это – всадник без головы?

Так ее и прозвали – Всадник без головы.

Был у нас заливщик по фамилии Мельник. Страшно любил книги про животных. И все, что у нас о животных появлялось, я в первую очередь отдавала ему. Дала как-то хорошо иллюстрированный справочник про тигров.

И вот подходит ко мне жена его, Вера Мельник:

- А в книге-то той, что вы дали, знаете, что написано? Там написано, что тигрица никогда не удовлетворяется одним тигром, ее покрывают несколько самцов.

И смотрит так многозначительно.

Интернет книгу не заменит

Сколько раз я слышала:

- Завидуем тебе, занимаешься любимым делом.

Что верно, то верно, профессию свою я ни на какую другую не поменяла бы. Даже маленькая зарплата меня не отпугивала – хотя за семнадцать лет мне ее повышали пять раз.

Зато по профсоюзным путевкам я изъездила всю страну. Ни разу мне не отказали:
- Поезжай, поезжай, ты нам кругозор расширяешь – мы тебе поможем расширить.
Когда в тебе нуждаются, когда тебя уважают – это дорогого стоит.

Профессия библиотекаря дает очень большие возможности, одна только практика в библиотеке ООН в Нью-Йорке чего стоит!

А дальше – знай расти. Один мой сокурсник сегодня директор библиотеки Академии наук в Петербурге. Ну, а кроме того, библиотечное образование – оно ведь универсально. Понял ты, что неинтересно тебе выдавать книги, пожалуйста, иди в педагоги, в книготорговцы, в журналисты. Моя подруга редактирует альманахи, другая стала артисткой в Ульяновском драматическом театре, друг – известный питерский поэт.

А сколько писателей вышло из библиотекарей!

И не надо думать, что профессия эта умрет, что интернет заменит книгу. Не будет этого никогда. Книга, ее обложка, ее листы, неповторимый аромат типографской краски и еще чего-то неувидимого, загадочного – это незаменимо.

<@Подзаголовок 1:>Эпохи не выбирают

<@Основной текст:>Жизнь каждого человека – зеркальное отражение эпохи, в которой он живет. Биография человека – это не только его биография, это и история эпохи, в которой я доживаю, очень даже не простая. Сложная, богатая разными катаклизмами, горькими годами, сложными ситуациями. Судите сами.

Мука с водой и «торт»

Через девять месяцев после моего рождения началась Великая Отечественная война. До младенцев ли было нашим родителям? Трехлетний ребенок, я не знала отца, воюющего на фронте. Забыла мать, днюющую и ночующую на патронном заводе № 544. Я вроде бы на руках тети – сестры мамы. Но на самом деле в полном одиночестве в закрытом на замок деревянном доме, в комнате с голыми стенами. Тетя вместе с хозяйкой дома жнет серпом хлеб на колхозном поле. За труд она получает зерно и сама мелет его на домашней мельничке. На столе мешочек с мукой и ведро с водой. Я ем эту муку и запиваю водой. Это мой обед. Единственное мое развлечение – окно, выходящее во двор. Там зеленая трава, небо, птицы... и колодец. Мне до безумия хочется туда, но выйти из дома я не могу. Но вот открывается калитка, и во двор заходит человек с ведрами. Он пришел за водой. А у меня страх: пришли за мной. Прячусь под кровать.

Другая картинка – мы с тетей на картофельном поле. Я в белом платье рву цветы. Неподалеку двухэтажный дом, и оттуда к нам приближается человек на костылях. Такого странного человека я вижу первый раз в жизни. Он просит тетю отпустить девочку, то есть меня, к лежащим раненым, которые очень соскучились по детям. Меня водят по палатам. Перебинтованные люди суют мне в ладошки кусочки сахара, глядят по голове. Из кухни приносят ломоть белого хлеба с маслом и сахарным песком. Мой первый в жизни «торт».

Учились выживать

Здание это – госпиталь, где сегодня расположен музей «Иднакар». А на нашем картофельном поле стоит ДК «Россия». Вот так война вторглась в мою жизнь и жизнь моих несмышленьшей-сверстников, тех, кто ее пережил. А остались жить только упрямые, упорные, настырные, настойчивые.

Был голод, голод без конца... Из еды – одна картошка, и той мало. Меня отвезли в Чуру, к родителям отца. Там я никому не нужна была и никто не интересовался, сыта ли я? С подружкой-ровесницей придумала игру: я – покупатель, она – продавец. Она в хлеву подоит корову в черепок и продает мне молоко, которое я тут же выпивала. До сих пор думаю, откуда у меня хватило ума на такое?

После войны мы с двоюродным братом целыми днями пасли коз. Вместе с козами научились есть траву. Смотрим – белену, лютики козы не едят. И мы эти растения не трогали. Выживать учились у животных.

Как «крысу» одевали

Досыта я наелась только в Казахстане. Хлеба, мяса, жирных карасей... За что и люблю эту щедрую, плодородную, отзывчивую землю. Но об этом позже. А в юности очень хотелось учиться. Учиться, каждый день узнавать что-то новое. У моего поколения была невероятная тяга к знаниям. Закончила в Ижевске библиотечный техникум. Были и голод, и холод, но побеждала молодость. В тогдашнем библиотечном техникуме была сильно развита художественная самодеятельность. Проводились творческие вечера. И какие это были вечера! Мы с подругой Валею, обе глазовчанки, выходили на сцену. Читали рассказы Чехова, разыгрывали басню Михалкова «Красиво ты живешь, любезная сестрица, в гостях у крысы сказала мышь». Серое платье мыши Вале нашли сразу, а меня, «крысу», экипировали все педагоги. Яркий клетчатый блузон, стильные брючки, невиданные тогда по моде сланцы, солнцезащитные очки, вишнево-черный лак на ногтях, на губах помада, перо жар-птицы и прочие атрибуты - учителя несли из дома все, что было. Успех спектакля был оглушительный.

Колодец, заполненный до краев

После техникума работала в Глазове и районе. Саша Лесников запрягал райисполкомовскую лошадь, и мы развозили книги по деревням. Но чаще я разносила их пешком по всему району.

В техникуме учились шестеро глазовчан. А в Глазов приехали работать восемь выпускников, и все поступили в вузы. Сегодня в нашем городе дефицит библиотечных кадров с высшим образованием. А тогда все учились по велению эпохи, в которой мерилom человека был уровень высокого образования. Я поступила в Ленинградский институт культуры. И пусть снова были голодные годы (родители не помогали), снова полураздетые и в холоде, но было много духовной пищи, которую с трудом успевали «переварить» и впитать. Это были самые светлые годы жизни. Заглянув однажды в колодец знаний, заполненный до краев, я уже не могла остановиться. Вся моя жизнь пошла по этому руслу. И снова эпоха сказала свое слово. Сначала командировочная работа, а в каждой командировке узнаешь много нового. Чего стоит одна Пермская область – интереснейший край. Самая интересная, самая самобытная и самая забытая писателями земля из всех, какие я знаю.

Хочу быть такою «больной»

В эпоху, прожитую мной, было такое явление, как книжный бум, погоня за знаниями всегда сопровождается погоней за книгами. Сама я «хронически больна» на книги, на информацию, на знания, и я очень довольна, что в моей жизни все это было и есть. Хочу быть такой «больной» до конца моих дней. Всем этим я занималась в Казахстане 25 лет. Заразила книгами и знаниями тысячи людей. С этой «заразой» люди разъехались не только по всему бывшему СССР, но и за границу: в Германию, Израиль, Америку. Сегодня, когда все гоняются за материальными ценностями, даже и не верится, что мы жили в эпоху, когда гонялись за духовным. У моих ровесников не было жажды больших денег, зависти, алчности, стяжательства. Но наш духовный мир был богаче мира многих представителей сегодняшней молодежи. Но и такую эпоху, что есть сегодня, надо пережить – и пережить достойно.

Редкие книги

Пастернака – директору

Хорошую книгу в советское время достать было безумно трудно. Существовали так называемые горкомовские списки, эдакая разнарядка: двухтомник Пушкина – передовику производства Иванову, сборник американской фантастики – начальнику цеха, ну а уж

дефицитнейшего Пастернака - не меньше, чем директору завода. Хотя директор, может быть, любит Твардовского, а Пастернака и не раскроет.

Можно было купить книги в обмен на макулатуру. Сдаешь сколько-то (уж не помню) килограммов – получаешь новенький, только что вышедший томик. Но макулатурная литература изысканностью не отличалась: сплошные Анжелики да проклятые короли.

Сегодня издается, если верить каталогам все, что душе угодно, но вот парадокс: до наших магазинов доходит почему-то один ширпотреб, умную, интересную книгу достать сейчас так же трудно, как и в былые времена.

Мне, однако, повезло – всю жизнь я работала в библиотеках, да и сейчас не теряю с ними связи, мне доводилось держать в руках настоящие жемчужины!

Опять брюхата?

В Пермской областной библиотеке есть интереснейший фолиант – «Письма Пушкина». Издание еще дореволюционное и, как говорится, аутентичное – то есть в текстах не исправлено ни одного слова.

Читаю переписку поэта с друзьями, знакомыми, книгоиздателями, с женой Натальей Николаевной.

«Опять ты брюхата? Сколько можно!»

«Радуюсь, что ты не брюхата и что ничто не мешает тебе отличаться на нынешних балах».

«Жена в отсутствие мужа не должна принимать в доме посторонних людей, а ты (пи-пи-пи) что делаешь?»

Там и тут матерок, не злой, не оскорбительный, а скорее задушевный. На глазах рушится стереотипная картина: влюбленный поэт и надменная красавица, не способная его понять. Они друг друга понимали, они были друзьями, единомышленниками!

Читаю те же письма в советских изданиях – выхолощенные, образцово-показательные. Совсем другой Пушкин.

Марксизм и духи усопших

Во второй половине XIX века русское дворянство поголовно увлекалось спиритизмом. Известный ученый-химик Александр Бутлеров написал книгу «О спиритизме», где доказывал, что это явление вполне согласуется с данными науки. Что духи усопших действительно могут являться при определенных обстоятельствах. Перечислял, какими должны быть эти обстоятельства.

Если бы не держала книгу (тоже дореволюционную) в руках, ни за что бы не поверила. Бутлеров! Нас ведь в школе уверяли, что он стопроцентный материалист. Чуть ли не марксист.

В СССР секса нет!

Фраза эта стала анекдотом. А ведь я, будучи советской гражданкой, сама не признавала никакого «секса». Есть семья – ячейка общества, а все остальное - от лукавого.

Удивительно безграмотны мы были в этом отношении. Никаких книг об интимных отношениях между мужчиной и женщиной не издавалось – избави Бог. Существовали, правда, переводы с немецкого – «Книга о супружестве» и «Новая книга о супружестве». Автор - Рудольф Нойберт, но где их достать?

И вот как-то одна из этих книг появилась в нашей библиотеке. На дом ее не выдавали, держали в читальном зале. Люди за два, за три месяца записывались в очередь, чтобы в определенный день пролистать бестселлер.

Одна молодая девушка-библиотекарь улучила как-то момент, утащила Нойберта в книгохранилище и зачиталась до такой степени, что потеряла ощущение времени. Рабочий день закончился, ее закрыли. Так и просидела она в библиотеке всю ночь с Нойбертом.

Этот от Гриши, и эта от Гриши

Искусствоведческие изыскания, теоретизирования по поводу живописи – это не мое чтение. Палитра, колорит, ракурс...

Но до самозабвения любила и люблю разглядывать живописные альбомы. Вот уж чего в наших библиотеках всегда хватало!

Сколько часов я провела над глянцевыми страницами – не сосчитать. Вглядывалась в лица, пыталась разгадать улыбки кавалеров, оценивала украшения дам, разговаривала с ними.

Иногда альбомы сопровождалось подробными биографическими справками о тех, кто был в них изображен. Вот тут уж для меня наступало настоящее пиршество духа.

О художнике Владимире Боровиковском каждый хоть раз в жизни да слышал. Вот два его портрета – граф Алексей Бобринский и Елизавета Темкина. Из комментариев узнаю, что оба – внебрачные дети Екатерины II. Бобринский – от Григория Орлова, а Елизавета – от Григория Потемкина. Ай да, матушка императрица!!!

Кстати, Елизавета Темкина была коса на один глаз, но на портрете – красавица!

Так кто же на портрете?

А вот еще одна картина Боровиковского – «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке». У ног ее – любимая левретка Земира. Императрица не любила этот портрет, называла его «старческим». Бесформенный капот, толстый колпак на голове...

Начав позировать, она скоро от этого занятия отказалась. А портреты, тем более парадные, писались в ту пору долго, основательно. Кого определить на роль модели? Ею стала Мария Перекусихина, камер-юнгфера и фаворитка Екатерины. Оказывается, Перекусихина выполняла самые интимные поручения своей царственной подруги. Понравился, допустим, той молодой поручик Зубов – камер-юнгфера устраивает тайное свидание...

Осторожно, книга!

Во времена застоя России исполнилось 100 лет российской криминалистике. К юбилею издали книгу «100 лет криминалистике». Книга была издана малым тиражом, но совершенно не привлекала внимания читателя. В разделе техники книгопродавцы ее продавали свободно, пока не очухались. А как сообразили, что это за «бомба» - книга вмиг слетела с прилавков. О чем эта книга? Там приводятся примеры, как можно уничтожить человека, и ни одна криминалистика не докажет насильственную смерть. Так что существуют книги, с которыми надо обращаться осторожно. Не то чтобы такие книги были вредны – нет, они предохраняют человека от беды.

Хождение за три моря

XVI век. Россиянка Елена Блаватская осваивает далекие земли на земном шаре, как деревушку из двух улиц. Для нее все представляет интерес: природные условия (флора, фауна), архитектура, а главное, народы, проживающие на данной земле, их обычаи, традиции, религия – все, что связано с жизнью человека. Ее книга «В пещерах и дебрях Индостана» очень подробно и детально рассказывает нам об Индии XVI века, зачитаешься – не оторвешься...

Спасибо вам, милые книги, за все высокое и земное, за все серьезное и забавное, что дали вы мне. Вот только как же трудно искать и находить вас!